

Волынчук Андрей Борисович

Дальневосточный федеральный университет
Россия. Владивосток

Скалецкий Егор Васильевич

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Россия. Владивосток

Российский Дальний Восток в составе трансграничного региона «Северо-Восточная Азия»

Геополитическое развитие современной России вносит существенные коррективы в процесс формирования национальных внешнеполитических целей и геополитических интересов. Это особо актуально для дальневосточного направления внешней политики Российской Федерации. В статье представлен анализ существующих условий и результатов геополитического развития страны в трансграничном регионе «Северо-Восточная Азия».

Ключевые слова и словосочетания: трансграничный регион, Северо-Восточная Азия, Дальний Восток России, геополитическое развитие, региональное взаимодействие.

В одной из первых своих развёрнутых публикаций Президент Российской Федерации В.В. Путин в ноябре 2000 г. заметил: «Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной. Мы никогда не забывали о том, что основная часть российской территории находится в Азии. Правда, надо честно сказать, не всегда использовали это преимущество. Думаю, что пришло время нам вместе со странами, входящими в Азиатско-Тихоокеанский регион, переходить от слов к делу – наращивать экономические, политические и другие связи. Все возможности для этого в сегодняшней России есть» [9. С. 2]. В этих словах очевиден не только ретроспективный взгляд на прошлое, но и обращение к задачам ближайшего и среднесрочного будущего по определению цивилизационной идентичности России и, естественно, её роли и места в азиатском сообществе. Однако, несмотря на очевидную важность этого направления внешней политики России, даже по истечении тринадцати лет мы не можем похвалиться значимыми результатами в этом направлении. Не случайно в послании Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. Президент РФ В.В. Путин вновь обратил внимание на необходимость интенсификации международных отношений в Северо-Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. В частности он отметил, что «разворот России к Тихому океану, динамичное развитие всех наших восточных территорий не только

откроют нам новые возможности в экономике, новые горизонты, но и дадут дополнительные инструменты для проведения активной внешней политики».

Тринадцать лет – это весьма продолжительный период времени, который, к сожалению, характеризуется целым рядом слабо обоснованных и плохо скоординированных действий руководства страны по развитию дальневосточных территорий. В конечном итоге, это отразилось на формировании непоследовательной политики Москвы в решении проблем Тихоокеанской России.

Тем не менее, АТР и та его часть, которую мы называем Северо-Восточной Азией, по-прежнему представляет для России сферу жизненно важных интересов. Здесь сосредоточено от 60 до 80% запасов стратегически важных ресурсов мирового значения: от леса, пресной воды, цветных и редких металлов до нефти, газа, каменного угля и т.д. Особо следует отметить, что именно в этой части мира Россия непосредственно соприкасается с крупнейшими, кроме Европейского союза, экономиками мира – США, Японией, Китайской Народной Республикой, АСЕАН.

Со всей уверенностью следует подчеркнуть, что долговременные цели тихоокеанской политики России и её успех будут зависеть, по меньшей мере, от двух важнейших обстоятельств:

Во-первых, от того, насколько высшее политическое руководство Российской Федерации будет способно перейти от квазиколиониалистской выкачки ресурсов к реальным действиям по комплексному социально-экономическому подъёму Восточной Сибири и Дальнего Востока страны. Иным способом не удастся положить конец подходам-концепциям в стиле *terra nullius* и избежать присвоения Сибири и Дальнему Востоку статуса всемирного наследия и особо охраняемой Организацией Объединённых Наций территории [12. С. 237].

Во-вторых, от того, насколько политическая элита России осознает необходимость развёртывания взаимовыгодного широкомасштабного экономического сотрудничества с Китаем, Японией, странами Корейского полуострова, АСЕАН и в целом в рамках АТЭС, чтобы обеспечить рынок сбыта не только российским энергоносителям, но и российским товарам машиностроения и передовых технологий, для которых пока закрыты рынки США и ЕС. Необходимо разработать и совершить энергетический и транспортный прорыв в Северо-Восточной Азии (причём не только через Транссиб или БАМ, а также Северный морской путь и посредством мощных трубопроводных систем). Это позволит России стать реальным геополитическим мостом между Востоком и Западом.

Только в этом случае наша страна сможет сформировать (или восстановить) необходимый геополитический статус в мире с экономической выгодой для самой России и с достойным положением её в экономическом пространстве всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

Фоном формирования нового тренда развития геополитического статуса России в регионе «Северо-Восточная Азия», в частности, являются:

- наращивание значительного экономического потенциала и постепенное превращение АТР в главный центр мирового экономического развития;

- усиление интеграционных процессов, которые приобретают глобальный характер. При этом многие страны региона, в том числе такие быстро развивающиеся, как КНР и Республика Корея, сталкиваются с целым рядом серьёзных потенциальных угроз для социально-экономической и политической стабильности, порождаемых как глобализацией, так и процессами неравномерности внутреннего развития;

- исключительная разноликость, цивилизационное разнообразие, значительное различие в уровнях экономического, политического, культурного развития, создающие предпосылки для формирования устойчивой многополярности и регионализма, выражающихся в конкретной политической практике глокализационных процессов;

- наличие серьёзных межэтнических, межцивилизационных противоречий в политической, экономической, культурной сферах, что закладывает немалый конфликтный потенциал;

- сокращение вооружённых сил одних государств, прежде всего Российской Федерации, сопровождается одновременным наращиванием военного потенциала и модернизацией вооружённых сил США, Китая, Японии и многих других стран Азиатско-Тихоокеанского региона [3].

Проанализировав многочисленные источники и официальные документы, представляется возможным обобщить различные варианты геополитических целей и интересов и сформулировать их следующим образом.

Прежде всего, речь идёт об обеспечении безопасности, суверенитета и территориальной целостности страны в отношении максимально удалённых от её центра и максимально насыщенных природными ресурсами районов.

Во-вторых, Российская Федерация нуждается в поддержании стабильности и экономического роста как страны в целом, так и особенно её восточной части, которая выступает локомотивом интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион.

В-третьих, в этой части мира Россия стремится обеспечить наиболее благоприятные внешние условия для развития страны и беспрепятственного осуществления политики внутренних преобразований.

В-четвёртых, перед страной стоит задача адаптации и активного включения в интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе на принципах равенства и взаимной выгоды, а также открытого регионализма. Последнее обстоятельство представляется особенно важным, так как многолетние попытки российской политики и бизнеса включиться в инте-

грационные взаимодействия в Европе особого успеха не принесли в силу закрытости базовых принципов организации Европейского союза.

Очевидно, что решить эти задачи Российская Федерация может, лишь развивая как многостороннее, так и одностороннее сотрудничество со всеми государствами АТР, прежде всего со странами Северо-Восточной Азии – Китайской Народной Республикой, нынешними двумя корейскими государствами, Японией, а также Соединёнными Штатами Америки [4, 11].

Если исходить из системы страновых приоритетов во внешней политике России в США, то следует согласиться с существующим утверждением о том, что Китай всегда, даже в периоды максимального возвышения и усиления Японии, рассматривался как ключевой элемент тихоокеанской политики России/СССР [8].

Не изменяя этой традиции, в XXI век РФ и КНР вошли в состоянии «стратегического партнёрства». Для российского внешнеполитического руководства сотрудничество с Китайской Народной Республикой имеет особое значение, что подтверждается конкретными политическими действиями.

Во-первых, сотрудничество между двумя странами плодотворно развивается по всем направлениям, будучи свободным от временной и персональной конъюнктуры.

Во-вторых, чрезвычайно важно, что стратегическое взаимодействие двух держав имеет мощную правовую основу в виде «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и КНР», подписанного 16 июля 2001 г. Как показало время, этот договор стал программным документом, усиливающим перспективы стратегического партнёрства [10].

Развитие отношений между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией протекает на фоне быстрого экономического роста КНР, что выводит эту страну в разряд современных экономических сверхдержав. В первой половине 2011 г. экономика КНР уже с объёмом ВВП в 7 134 млрд долл. США обогнала Японию, став второй экономикой мира. Тем не менее, в экономическом развитии КНР имеются весьма существенные проблемы: её внешний долг приближается к 700 млрд долл., а 60% всех занятых в народном хозяйстве приходится на аграрный сектор. Однако это не мешает развитию торгово-экономического сотрудничества Российской Федерации и КНР, объёмы которого в 2013 году превысили 90 млрд долл. США.

Прежде всего, развивается военно-техническое сотрудничество, благодаря которому Пекин превратился в крупнейшего импортёра российского вооружения. Так, военно-морскому флоту КНР поставлены четыре эсминца проекта 956М, их главной ударной силой являются противокорабельные крылатые ракеты «Москит», а также дизельные подводные лодки «Варшавянка».

При определённом российском участии развиваются китайские космические программы, что позволило КНР стать третьей страной, осуществившей в 2005 г. самостоятельный пилотируемый орбитальный полёт. В 2012 г. космическая группировка составила около 30 искусственных спутников Земли. В этом же году Китай реализовал собственной проект орбитальной станции «Тяньгун-1» [13].

Активно развивается сотрудничество Москвы и Пекина в области высоких технологий, правовую основу которому дал Договор 2001 г. В качестве примеров можно привести создание при научно-техническом содействии России экспериментального атомного реактора на быстрых нейтронах, строительство Тяньваньской атомной электростанции и разработку бортового источника питания длительного действия для китайских космических аппаратов.

Важным направлением современного российско-китайского сотрудничества является взаимодействие двух стран в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), созданной в июне 2001 г. и объединяющей Казахстан, Киргизию, Китай, Россию, Таджикистан и Узбекистан. Эти страны придерживаются сходных взглядов на тенденции мирового развития и готовы совместно искать согласованные подходы к решению международных и региональных проблем [6]. Деятельность Шанхайской организации сотрудничества, конечно, сказывается и на ситуации в Северо-Восточной Азии, поскольку Российская Федерация и Китайская Народная Республика, будучи её членами, географически и политически являются неотъемлемыми частями этого региона.

Особенно успешно развивается российско-китайское энергетическое сотрудничество. 14 мая 2014 г. в Шанхае в присутствии Президента РФ В. Путина и председателя КНР Си Цзиньпина был подписан крупнейший для Газпрома контракт с китайской компанией CNPC. Общая цена контракта составляет 400 млрд долл. на 30 лет, ежегодные поставки – 38 млрд кубометров в год. Реализация этого проекта предполагает создание тысяч рабочих мест, строительство инфраструктуры, которой будут пользоваться не только газавики, но и население всего Дальневосточного региона.

В связи с этим обоснованным выглядит предположение относительно того, что сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики имеет хорошую среднесрочную перспективу в силу достаточно сходных задач, которые предстоит решить обеим странам.

Во-первых, Китаю и России необходимо завершить модернизацию экономик своих стран.

Во-вторых, обе страны должны сохранить свою территориальную целостность и покончить с сепаратизмом в пределах своих государств.

И, наконец, и Москва, и Пекин должны продолжить демократический процесс и добиться реальных успехов в деле создания гражданского общества.

При явном сходстве стоящих перед этими странами задач мы усматриваем и определённое различие, которое по всей вероятности заключено в том, что их решение приведёт к неодинаковым результатам. У демократической и экономически развитой России нет возможности в ближайшее время вновь стать супердержавой, в то время как Китай с высокой долей вероятности станет таковой к середине нынешнего века. Тем не менее, Россия может и должна во взаимодействии с КНР противодействовать стремлению США к американской гегемонии в мире при одновременном учёте важного обстоятельства: российские действия в Северо-Восточной Азии не должны наносить ущерба интересам страны на Западе. Иначе говоря, речь идёт о необходимости сбалансированного внешнеполитического курса [1].

В свете последнего утверждения важной считается российско-японская составляющая геополитической ситуации в современной Северо-Восточной Азии. В сравнении с китайским направлением отношения между Москвой и Токио представляют собой огромные незадействованные резервы и уникальные ресурсы, которых ни у кого более в трансграничном регионе нет. И сам ход событий может предоставить возможность Японии занять одно из первых мест в тихоокеанской политике России.

Такой тезис может показаться излишне смелым, учитывая все последние обстоятельства отношений между двумя странами и, особенно, их обременённость территориальной проблемой. Действительно, продолжающийся спор о принадлежности двух самых южных островов Большой Курильской гряды и всех 19 малых островов Малой Курильской гряды (Хабомаи) оказывает угнетающее воздействие на весь комплекс двусторонних связей. Приемлемую для обеих сторон развязку давно и упорно ищут как в Москве, так и в Токио. Самым распространённым предложением с российской стороны стала идея об организации и совместном управлении и использовании спорных территорий. Однако предлагаемая формула, на наш взгляд, непрактична и неосуществима. Даже если допустить невероятное – согласие самих японцев на учреждение некоего кондоминиума над островами, то ожидать в связи с этим приходится только одного [5. С. 89]. «Режим совместного управления» в силу диаметрально противоположных традиций, технологий принятия и реализации решений, требований отчётности, культур, стилей, экономических возможностей – станет источником бесконечных конфликтов и разбирательств и приведёт к параличу местной власти.

Набирающие силу тенденции регионализации и глобализации, которые, органично дополняя друг друга, переплетаются, образуя феномен глокализации, способны внести в эту картину серьёзные коррективы на местном уровне. Не отменяя принципов суверенитета и национальной юрисдикции, спорные территории можно и нужно рассматривать не как яблоко раздора и район обострения противоречий, а как часть определённого трансграничного региона. Это становится тем более приемлемо, если иметь в виду оче-

видное: и для России, и для Японии речь идёт о периферийном и отдалённом от центра районе.

На практике спорные Южно-Курильские острова и северная часть острова Хоккайдо уже давно установили между собой многообразные и, главное, прямые связи и контакты. Поэтому нельзя исключить тот факт, что жители приграничных территорий будут постепенно становиться ближе друг другу, чем к своим столицам [2].

Судя по событиям последних дней, токийская политическая элита после долгих и эмоциональных отказов и грозных комментариев все-таки приступила к формированию конструктивной повестки российско-японских отношений. 2 ноября 2013 г. в Токио прошли переговоры в формате «2+2» с участием министров обороны и глав внешнеполитических ведомств России и Японии. Встреча была приурочена к визиту главы МИД России С. Лаврова в Японию. Участие в консультациях приняли глава МИД РФ Сергей Лавров, министр обороны РФ Сергей Шойгу, а также их японские коллеги – Фумио Кисида и Ицунори Онодэра. Идея проведения встречи по такой схеме была предложена России японской стороной на встрече глав двух государств в октябре этого же года.

Необходимо отметить, что Япония проводит переговоры в формате «2+2» только с наиболее близкими союзниками и партнерами – США, Францией и Австралией. Переговоры затронули широкий круг вопросов, в том числе в области безопасности. Москва и Токио договорились о необходимости проведения совместных военных учений по борьбе с пиратством и терроризмом в рамках проекта «безопасность на море». Ожидается, что такой формат станет регулярным.

Для нас совершенно ясно: чтобы отдельно взятые регионы России, включая Южные Курилы, полностью преодолели свою изолированность и органично вписались в глокальный контекст Северо-Восточной Азии, потребуется их более тесная интеграция и надёжная связь с российским Дальним Востоком и вообще Российской Федерацией.

В ходе решения данной задачи возникают, по меньшей мере, две проблемы: 1) трансграничный регион «Северо-Восточная Азия» ещё не оформился в институциональном плане; 2) Дальний Восток России, взятый в целом, будучи во многих отношениях неблагоприятным в инфраструктурном плане, как уже говорилось, не представляет собой единого целого, несмотря на создание в 2001 г. Дальневосточного федерального округа (ДФО). Он успел существенно отдалиться от европейской части России, но мало сблизился с зарубежными соседями по региону, в тесном взаимодействии и в контакте с которыми следует решать обе жизненно важные задачи – внутреннюю и внешнюю интеграцию российского Дальнего Востока. Участие нашей страны в создании нового политико-экономического трансграничного региона вместе с Японией, обеими Кореями и северо-восточными провин-

циями Китая является весьма серьёзной и долговременной, но перспективной задачей [7].

Общая задача стран и их регионов, входящих в Северо-Восточную Азию, состоит в повышении инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности региона в мировой системе хозяйства, что невозможно без решения всех политических проблем и противоречий. Действуя в этом русле, Россия, Япония, обе Кореи и северо-восточные провинции КНР должны сообща налаживать тесное и долговременное сотрудничество с целью создания современного глокального феномена. Особую актуальность приобретает формирование энергетического сообщества, которое призвано стать несущей конструкцией для будущей региональной организации сотрудничества стран Северной Пацифики вообще и стран Северо-Восточной Азии в частности. Создаётся впечатление, что именно такого вклада в развитие региона и ждут от России.

1. Бажанов, Е.П. Китай: от срединной империи до сверхдержавы XXI в. / Е.П. Бажанов. – М.: Известия, 2007. – С. 348–351.
2. Бондаренко, О. Известные Курилы / О. Бондаренко. – Южно-Сахалинск, 1992. – С. 213–214.
3. Волынчук, А.Б. Трансграничный регион: теоретические основы геополитического исследования / А.Б. Волынчук // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2009. – №4. – С. 49–55.
4. Гарусова, Л.Н. Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе: интересы и политика США / Л.Н. Гарусова // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2013. – №1 (19). – С. 174–183.
5. Гребенщиков, Э. Тихоокеанская Россия и Япония: регионализация отношений / Э. Гребенщиков // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – №1. – С. 89.
6. Лукин, А.В. Шанхайская организация сотрудничества: что дальше? [Электронный ресурс] / А.В. Лукин. Режим доступа: http://global-affairs.ru/number/n_8818.
7. Песцов, С.К. Трансграничное сотрудничество и интеграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе / С.К. Песцов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2010. – №4. – С. 15–21.
8. Стратегические проблемы национального развития и международного сотрудничества: дальневосточный вектор / отв. ред. В.Л. Макаров. – Хабаровск, 2005. – С. 273.
9. Титаренко, М. Российские интересы в АТР и принципы формирования азиатской политики России в первой половине XXI в. / М. Титаренко // Азия и Африка сегодня. – 2005. – №4. – С. 2.

10. Тушков, А.А. Национальные интересы России в АТР / А.А. Тушков // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2013. – №1 (19). – С. 201–209.
11. Фролова, Я.А. Проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: роль форума АТЭС / Я.А. Фролова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2009. – №4. – С. 63–70.
12. Хилл, Ф. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России / Ф. Хилл, Г. Клиффорд. – М., 2007. – С. 237.
13. Шэньчжоу-9 состыковался с орбитальным модулем [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bfm.ru>